

Граф С. Р. Воронцов: человек и дипломат.

В судьбе графа С. Р. Воронцова удивительным образом отразилась эпоха в которую он жил со всеми ее причудливыми изломами, переменой стилей и пронизывающим ее духом космополитизма: от пышного, барочного стиля Растрелли до торжественного классицизма Баженова, от «златоглавой» Москвы, где он родился до окутанного туманами Лондона в котором он умер. Ему, появившемуся на свет на второй год царствования «веселой императрицы» Елизаветы и окончившему свой жизненный путь семь лет спустя после восшествия на престол императора Николая Павловича, суждено было пройти через многие испытания и, оставаясь всегда самим собой, стать одним из ярчайших представителей эпохи о которой как-то замечательно сказал А. Н. Радищев: «столетие безумно и мудро».

Современник графа С. Р. Воронцова адмирал П. В. Чичагов, переживший его на каких-то семнадцать лет, вспоминая о «золотом веке» Северной Семирамиды, писал: «Граф Паин, Салтыков, Булгаков, Философов, Штакельберг, Воронцов, Марков и др. были дипломатами Екатерины. Они понимали и умели поддерживать народное достоинство и защищать истинные интересы Империи, вверенные впоследствии рукам наемников» /1/. В этом высказывании адмирала интересны, как минимум, два момента. Во-первых, тот, что всех названных выше деятелей Чичагов причислил к «дипломатам Екатерины», а во-вторых, последовательность приведенных им фамилий, где фамилия Воронцова занимает предпоследнее место. Однако, если с мыслью о принадлежности графа Семена Романовича к дипломатам «века Екатерины» в целом можно и согласиться, то не слишком почетное предпоследнее место в «списке Чичагова» - вряд ли справедливо. Вся жизнь графа Семена убедительно свидетельствует об этом.

Будущий граф и дипломат Семен Романович Воронцов родился в Москве 2 июня 1744 г. Он был одним из детей Романа Илларионовича Воронцова-старшего сына статского советника и ростовского воеводы Иллариона Гавриловича Воронцова. Род Воронцовых был почтенным и древним. Российские авторы XIX в. единодушно утверждали, что некий Симон Африканович (или Африканович), приехавший на Русь из Германии со своим сыном Георгием, поселился в Киеве и в 1027 г. поступил на службу к великому князю Ярославу Мудрому /2/. О старшем в роду Воронцовых - Симоне, впрочем, мало что известно. По словам А. Терещенко, приняв христианскую веру (точное, наверное, православие), он «содействовал построению Печерского монастыря» /3/. Георгий Симонович обрел боярское звание и получив в дар от великого князя Ярослава г. Владимир (в Польше), пользуясь не только его расположением, но и милостью князя Всеволода.

Дальнейшее укрепление позиций рода связано с именем правнука Георгия - Протасия Федоровича, жившего во времена Ивана Калиты и бывшего московским наместником в 1326 году /4/. Один из Воронцовых, Николай Васильевич, был свояком князя Дмитрия Донского, а Ефросинья Полуэктовна, тоже из рода Воронцовых, была замужем за Петром, сыном Великого князя Московского. Уже в конце XV в., возведенный в боярское достоинство Симон Иванович Воронцов пользовался расположением великого государя Ивана III. Многие из рода Воронцовых служили дворянами, окольныхчими и тысяцкими.

Но подлинно звездным для Воронцовых стала печально знаменитая эпоха дворцовых переворотов, потрясших российскую империю после смерти Петра Великого. Второй из братьев Илларионовичей - Михаил (уже упомянутый нами Роман был первым) с 14 лет состоял камер-юнкером при цесаревне Елизавете Петровне /5/ и «был, так сказать, секретарем её» /6/. Почти полтора десятка лет служа ей своим пером, «которым с ранней молодости хорошо владел, и деньгами своей своячницы, жены

его брата Романа, Марфы Ивановны, отец которой...был очень богат» /7/ Михаил Илларионович «сделался поверенным... тайн» «дочери Петровой» /8/.

В знаменательный для нее день (точнее в ночь с 24 на 25 ноября 1714 г.) Михаил Воронцов вдвоем с лейб-медиком Лестоком стоял на запятках саней Елизаветы Петровны, когда цесаревна поехала в казармы Преображенского полка принимать присягу /9/. В этот день он, а с ним и весь род Воронцовых «въехал» в российскую историю. О степени доверия к 27-летнему камер-юнкеру 32-летней императрицы можно судить по тому, что именно ему, правда с неизбежным Лестоком, была доверена деликатная миссия: арест в Зимнем дворце правительницы Анны Леопольдовны с ее семейством /10/. Деятельное участие Михаила Илларионовича в дворцовом перевороте 1741 г. вознесло его к вершинам российского политического Олимпа. «Он тотчас же сделался камергером воцарившейся Императрицы, поручиком новоучрежденной лейб-компания (т. е. генерал-лейтенантом) (впрочем, А. Терещенко упоминает несколько иное звание Михаила Илларионовича - старший поручик - звание равное чину генерал-майора) /11/ и владельцем богатых поместий, а вскоре потом, с 3 января 1742 г. мужем графини Анны Карловны Скавронской, доводившейся двоюродной сестрой Государыни, затем Александровским кавалером, графом Римской империи, действительным тайным советником и вице-канцлером» /12/. А. Терещенко пишет также о том, что Михаил Илларионович был награжден орденом «Черного орла» королем Пруссии Фридрихом II (в 1742 г.), орденом «Белого орла» польским королем Августом III (в 1743 г.) и, наконец, удостоен высшей награды российской империи - ордена Андрея Первозванного - «За усердие к пользам Отечества» - в 1751 году /13/. Поток милостей императрицы Елизаветы Петровны не обошел стороной и родственников графа Михаила Илларионовича Воронцова. Его отец Илларион Гаврилович был пожалован богатым именем, чинами и орденами, братья Роман и Иван были

произведены в генеральские чины и получили впоследствии графское достоинство Священной Римской империи. Подобно своему среднему брату, Роман Илларионович, получил звание камергера и стал сенатором в царствование императрицы Елизаветы.

От брака с Марфой Ивановой Сурминой («богатой сибирячкой» /14/) у Романа Илларионовича было пятеро детей: три дочери: старшая - Мария, средняя - Елизавета и младшая Екатерина и два сына: старший - Александр и младший - Семен.

«Раннее детство Александра и Семена Романовичей прошло при не совсем благоприятных условиях: они рано лишились матери (Марфа Ивановна умерла когда Семену едва исполнилось два года)... Отец, оставшись молодым вдовцом, вел веселую жизнь и мало обращал внимания на детей /15/. добрая половина которых и не жила с ним: две старшие дочери, как фрейлины, находились с детства во дворце, будущая княжна Дашкова,...жила у дяди-канцлера» /16/. Роман Илларионович, человек малообразованный по отношению к детям был жесток и взыскателен; его письма к ним - «суровы, наставительны, придиричивы» /17/. Возможно это было связано с тем, что после смерти Марфы Ивановны ее супруг быстро утешился в обществе своей любовницы, англичанки Элизабет Брокет, с которой прижил многих детей. Они получили потом дворянство под весьма прозрачным именем Ронцовых и пользовались особенной нежностью своего родителя, так что на них уходило его достояние» /18/. Портрет графа Романа был бы неполным, если не отметить и такую его черту как лихоимство. «Талант» извлекать из своих должностей дополнительные доходы принес ему мало почетное прозвище: «Роман - Большой Карман» /19/.

Один из биографов графа Семена Романовича, описывая начало жизненного пути своего героя, лаконично отметил: «Подробностей о его детстве мы не имеем...» /20/. Это, конечно, не совсем так. Кое-что об этом все же известно. В девять лет (в 1753 г.), граф Семен Романович был принят в число пажей

при дворе императрицы Елизаветы Петровны, а семь лет спустя (в 1760 г.) «возвысился» до ранга камер-пажа. В 1759-60 гг. он совершил большую поездку в дальние имения своего дяди Михаила Илларионовича, побывав в разных местностях России, - даже и в Сибири. Как заметил по этому поводу редактор 11-го тома «Архива князя Воронцова», пятнадцатилетний Семен Романович «объезжал пространства России и набирался разных впечатлений, которые навсегда оставили след в его восприимчивой душе» /21/. От этой поездки, начавшейся поздней осенью 1759 г. и окончившейся лишь в конце весны 1760 г., сохранилось несколько писем Семена Романовича к отцу. Они чрезвычайно любопытны, так как позволяют нам судить об отношении младшего Воронцова к графу Роману. С другой стороны, эти несколько писем, написанных в конце 1759 - начале 1760 г. Содержат ценную информацию и о самом их юном авторе. Письма графа Семена к отцу изобилуют выражениями, вроде: «Всепоподданнейше прошу», «всепоподданнейше вам доношу», «ожидая вашего повеления». Графа Романа его сын именует не иначе как «милостивый государь батюшка». Обращение, которое в начале писем было стандартным и общепринятым в XVIII в., встречается, однако, и в середине писем к отцу. И это уже, конечно, свидетельствует, как минимум о том, что Воронцов-младший, подобно другим чадам Романа Илларионовича, «боился его как огня» /22/.

Два письма (одно - из Казани от 24 января 1760 г., второе - из Гибирлеевского винокуренного завода от 9 мая того же года) заслуживают особого упоминания. В письме из Казани, граф Семен рассуждая о книге Монтескье (скорее всего, о знаменитом «Духе законов»), пишет: «Я бы очень желал, чтоб она была переведена на наш язык и чтобы вы могли ее прочесть. Как она не велика, однако-бы я ее перевел в Петербурге, ежели бы был сильнее в русском языке, ибо она самого высокого штиля» /23/.

В письме от 9 мая 1760 г., читаем: «Вы сами изволите

довольно ведать, милостивый государь, грубость и, можно сказать, варварство нашей подлости (русской. - А. Е.), которая никогда не применит оскорбить другого, ежели видит себя в большей силе» /24/.

В 15 с половиной лет читать Монтескье и восхищаться им, а в канун своего 16-летия возмущаться грубостью и варварством отечественных нравов, даже сильнее - «варварством нашей подлости»! Что и говорить, граф Семен Романович был удивительным юношей. Как, под влиянием чего сформировался характер этого молодого человека. Известный дворянский историк XIX в. А. Г. Брикнер, несколько всё упрощая, утверждал, что братья Воронцовы, как и их младшая сестра Екатерина, (впоследствии знаменитая княгиня Дашкова) воспитывались «под влиянием дяди и тетки, урожденной Скавронской» /25/. Практически о том же писал в самом конце XIX в. и автор книги очерков о семействе Воронцовых В. В. Огарков /26/, и за полтора десятка лет до него Д. Рябинин /27/, подготовивший обширнейшую документальную публикацию о графе Семене Романовиче /28/. Однако в «Записках» Екатерины Романовны все выглядит не столь однозначно. «Мой дядя, - вспоминала она, - не жалел денег на учителей, и мы - по своему времени - получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бехтеев; у нас были изысканные и любезные манеры...

Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровно ничего. Дядя был слишком занят, и у него не хватало на это времени, а у тетки не было к тому ни способностей, ни призвания: ее характер представлял из себя странное сочетание гордости с необыкновенною чувствительностью и мягкостью сердца» /29/.

В итоге, получается, что заброшенные собственным от-

цом, но привечаемые в доме дяди молодые Воронцовы и там были предоставлены самим себе, а потому влияние графа Михаила Илларионовича на души его племянников и племянниц видимо не стоит преувеличивать. Тем не менее, возникает вопрос: всегда ли сама Екатерина Романовна была абсолютно искренна и прямодушна в своих «Записках»? Кое-где и кое в чём, безусловно, была. Об этом, в частности, можно судить по одному любопытному совпадению фрагмента ее «Записок» с отрывком из «Автобиографии» графа Александра Романовича (1805 г.). В своих воспоминаниях Екатерина Романовна, описывая события, связанные с ее замужеством, призналась: «Меня смущало... то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка» /30/. Почти о том же рассуждал в своей «Автобиографии» и граф Александр Романович: «Россия - единственная страна, где не учатся родному языку и где не обращают внимание на все то, что относится к России; такое воспитание имеет следствием полнейшее незнание с родиною, равнодушие и даже некоторое презрение к ней, развивая в то же время склонность к иностранным приемам, особенно привязанность к Франции» /31/.

Вероятно поэтому можно согласиться с российскими авторами XIX в., писавшими о том, что граф Семен Романович «первоначально получил легкое Французское обучение» /32/. Однако, дядя-канцлер и, особенно, старший брат Александр сумели привить молодому графу Семену страстную охоту к чтению и он «до глубочайшей старости сохранял в себе благородную потребность непрестанной умственной жизни» /33/. Таким образом, «легкое французское обучение», явно не удовлетворяло талантливого юношу. Во многом оно было дополнено усердным самообразованием. По словам А. Терещенко, Семен Романович «отлично знал историю, особенно своего отечества и литературу. Лучшие места Ломоносовых од, читал наизусть» /34/. И все же, как справедливо отметил, в свое время, В. В.

Огарков, братья Воронцовы не получили систематического образования. «Для Воронцовых, - писал он, - школою послужила сама жизнь, в которой они набрались и опыта, и знаний» /35/.

Первым серьезным жизненным испытанием для Семена Романовича стал дворцовый переворот 1762 г. Спустя тридцать шесть лет (в 1798 г.) вспоминая о том, что случилось 28 июня 1762 г., граф Семен с негодованием назовет этот день «ужасным днем», «проклятым и гнусным» /36/, в отличие от своей сестры княгини Дашковой, одной из активных участниц этого «великого события» /37/.

Но, обо всем по порядку. В самый канун нового 1762 г. умерла императрица Елизавета Петровна и на российский престол вступил ее племянник великий князь Петр Федорович. «Петр III тотчас же после своего воцарения, - вспоминал граф Семен Романович, - меня назначил камергером; но я умолял не делать меня царедворцем, и вследствие этого сделался гвардейским поручиком («с самого детства я имел страсть к военному ремеслу», так лаконично объяснил свой поступок граф Семен). Государь, заметив мою страсть к военному искусству, усугубил свою милость ко мне... он дозволил мне отправиться, в качестве курьера, к графу Румянцеву, командовавшему нашими войсками в Померании... это было за три дня до государственного переворота» /38/. День отъезда графа Семена в Ораниенбаум, «чтобы откланяться там государю и принять из его рук предписания графу Румянцеву» /39/ - 28 июня 1762 г., совпал с «революцией Екатерины II». В «Автобиографической записке» С. Р. Воронцова читаем: «Мне тогда было восемнадцать лет. Я был впечатлителен, как француз, и пылок, как сицилиец. Полагаясь на верность Преображенского полка, я не думал, что бунтовщики возьмут верх. Я поспешил обнять моего капитана, Петра Михайловича Измайлова... Мы пошли по рядам, увещевая гренадеров не изменять присяге. «Ребята, умрем или останемся верны Петру Федоровичу!» - «Умрем за него», - отвечали солдаты, и этим образовали нас несказанно. Затем мы пошли к

Казанскому собору. Мы надеялись, что наш полк единогласно воскликнет: «Да здравствует император Петр Третий!» - и что мы при первом выстреле со стороны мятежников ударим в штыки, сомнем и уничтожим, ибо они толпились без рядов и линий, как мужики, и большей частью в пьяном виде. Вдруг в тылу нашей колонны закричали: «Виват императрица Екатерина Алексеевна!» Это было как бы электрическим ударом. Вся колонна повторила это восклицание. Все наши усилия были бесполезны, не понимаю как нас с капитаном не убили... Вдруг я почувствовал, что меня хватают за шиворот. Я выхватил шпагу, обернулся и нанес удар по шляпе и плечу офицера Измайловского полка. Тот закричал: «Схватите его!». Унтер-офицер и шесть мушкетеров окружили меня. Офицер крикнул: «Отвезите его в Зимний дворец и держите караулом!» /40/.

Верность «доброму и несчастному Государю» /41/ стояла графу Семену Романовичу одиннадцати дней ареста /42/, но зато подтвердила: он - истинный Воронцов, ибо девиз их фамильного герба гласил: «semper immortal fides» («всегда неизменная верность») /43/. Государственный переворот 1762 г. «прошелся», впрочем, не по одному графу Семену. Его отца, Романа Илларионовича «двадцать четыре часа продержали под стражей как государственного преступника» /44/, а затем без церемоний выслали в Москву. Дядя, канцлер, отказавшийся присягать Екатерине II, с приставленным к нему офицером «вернулся в Воронцовский дворец...» /45/. Сестра, графиня Елизавета Романовна - экс-метресса низвергнутого императора была отправлена в деревню за Москвой. Наряду с этим мстительная самодержица конфисковала четыре имения в Малороссии, принадлежавшие графу Роману Илларионовичу и имения Александра и Семена Романовичей, а также их двоюродных братьев - сыновей графа Ивана-младшего из Илларионовичей. «Моё семейство, - вспоминал Семен Романович, - без всякой вины пало с высоты, на которой находилось при императрице Елизавете и в продолжении слишком кратковременного царст-

вования Петра III...» /46/.

В дальнейшем в отношении императрицы Екатерины Алексеевны к Воронцовым, исключая, по понятным причинам, «сердечную подругу» княгиню Екатерину Романовну Дашкову, всегда присутствовали недоверие, злопамятство, лицемерие и расчет. Многие поступки императрицы наглядно свидетельствуют об этом. К примеру, оставив старого канцлера на прежнем месте, императрица от реальных государственных дел Михаила Илларионовича фактически отстранила. Зато, когда он, наконец, ушел в отставку, пожаловала ему пятьдесят тысяч рублей, установив пенсию до смерти в семь тысяч /47/. «Наказав рублем» графа Романа, Екатерина затем назначила его губернатором во Владимир, издевательски прислав ему как-то на день ангела длинный пустой кошелек... /48/. Все эти проявления «августейшего внимания» к семейству Воронцовых не давали графу Семену никаких надежд на карьеру в России. Оставалась дипломатическая служба. Решив вступить на дипломатическую стезю, молодой Семен Романович явно подражал своему старшему брату Александру, уже побывавшему в звании поверенного в делах в Париже, Мадриде и Вене, а с 1762 г. занявшего пост полномочного министра (т. е. посла в соответствии с тогдашней «табелью о рангах») в Лондоне. Неподатливый, тяжелоатый, методичный Александр Романович был настоящим кумиром для пылкого и стремительного графа Семена. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он, - по собственным словам, «написал к ... дяде и просил его исходатайствовать дозволение отправиться в Англию...» /49/. Михаил Илларионович пообещал, но поступил иначе. Граф Семен вспоминал: «зная пылкость моего нрава, он пожелал поручить меня надзору человека пожилых лет, который мог бы внушить мне более покорности, чем брат мой. Он испросил дозволения отправить меня в Вену, советником посольства, к князю Голицыну, которого особенно уважал» /50/. Полтора года службы в Вене пролетели незаметно. О том, каковы были дипломатические достижения графа Се-

мена в столице империи Габсбургов, если они, конечно, были, ничего доподлинно неизвестно.

«Спустя 15 или 16 месяцев, дядя мой проезжал через Вену в Италию, путешествуя для поправления здоровья. - писал в своей автобиографии граф Семен Романович. - Я поехал с ним, посетил Францию, Берлин, где он прожил 4 месяца. Возвращаясь в Россию, он привез меня с собою» /51/.

Последующие три года, после возвращения на родину (в октябре 1765 г.) были исполнены для графа Семена надеждами, разочарованиями и потерями. По собственной просьбе он был переведен (случай, по-видимому уникальный) из гвардии в армейский полк. Но вместо чина подполковника, полагавшегося в этом случае, ему присвоили лишь чин премьер-майора. Год обиженный Семен Романович прослужил в 4-м гренадерском полку, а потом все же вышел в отставку. Переехав в Москву, в имение своего дяди Михаила Илларионовича, он остановился в его доме. Между тем, 15 февраля 1767 г. старый елизаветинский вельможа, - человек «самой возвышенной души между его современниками» /52/ скончался, и граф Семен вернулся в Санкт-Петербург, где, по его собственному признанию «жил спокойно в обществе родственников и некоторых близких друзей» /53/.

В связи с начавшейся русско-турецкой войной (осенью 1768 г.) граф Семен явился на службу, выхлопотав назначение в армию под командованием П. А. Румянцева. Он участвовал в знаменитых сражениях при Ларге и Кагуле (7 и 21 июля 1770 г.) в качестве командира батальона гренадер; особенно граф Семен отличился в последней битве, когда со своими солдатами первым ворвался в турецкий ретрашемент, взял его с боя, захватив четыре вражеские пушки. «За сражение при Ларге он получил Георгиевский крест 4-й степени, а за Кагульское награжден 3-ю степенью того же ордена и чином полковника» /54/. Ещё одним делом, в котором проявилась доблесть графа Семена Романовича было дело под Силистрией (12 июня 1772 г.). Его полк

(состоявший из каких-то 600 солдат) успешно отразил атаки десятитысячного отряда турецкой кавалерии, удерживая свои позиции пока к нему не подоспело подкрепление из дивизии Потемкина. За бой под Силистрией граф Семен, впрочем, не удостоился никакой награды. Последним событием войны в котором Семен Романович принял активное участие была работа (совместно с П. В. Завадовским) по редактированию статей Кучук-Кайнарджийского мира на итальянском языке (языке дипломатических отношений тогдашней Турции) /55/.

Участие в войне 1768 - 1774 гг. имело для графа Семена Романовича многочисленные и разнообразные последствия. Условно их можно подразделить на две категории: те, которые усложнили ему жизнь и те, которые, наоборот, во многом содействовали его дальнейшей карьере. Начать, надо, пожалуй, с первых. Еще до того как граф Семен перешел в действующую армию, он основательно испортил отношения с президентом Военной коллегии, графом З. Г. Чернышевым из-за своего отказа служить в Петербургском полку, на чем тот настаивал. По свидетельству самого Воронцова, граф Захар, вдобавок, еще и «приревновал» его к П. А. Румянцеву, из-за высказанного им желания служить именно под его командованием. Уже в армии граф Семен вызвал «высочайшее» неудовольствие светлейшего князя Г. А. Потемкина, так как отклонял его предложение вступить в Преображенский полк, в котором сам состоял подполковником. По собственному признанию Семена Романовича, так как он «не мог обнаруживать перед ним (Потемкиным) угодливости, коей никогда не являл никому, то он принял отсутствие низости в моем характере за высокомерие и надменность» /56/. Еще одного недоброжелателя в лице графа Владимира Григорьевича Орлова граф Семен «обрел» благодаря своей дуэли со штаб-офицером генерального штаба графом Стакельбергом в Яссах в начале 1772 г. Дело в том, что в поединке он тяжело ранил своего противника, сестра которого была женой младшего из графов Орловых, влияние которых при

дворе все еще оставалось довольно значительным /57/. Все перечисленное, по-видимому, утвердило Екатерину II во мнении, что граф Семен Романович - «персона опасная» /58/. Ну, а раз так, то этому дерзкому смутьяну надо указать его место... Впрочем, как всегда, Семирамида Севера предпочла тактике прямых действий обходные маневры. Так, в манифесте по случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира, императрица даже не упомянула Воронцова и в тоже самое время весьма лестно отозвалась о полке, которым он командовал. «Обидное умолчание, слишком резко оттененное хвалебного аттестацией полку, оскорбило графа Воронцова» /59/. Но, наверное, последней каплей, переполнившей чашу терпения Семена Романовича, было состоявшееся подчинение его генералу Павлу Потемкину - племяннику светлейшего князя Тавриды. В феврале 1776 г. Граф Семен подал в отставку. «Тогда-то, - вспоминал он впоследствии, - я бросил кокарду и мундир, и даже, если б мог, охотно отдал бы мой крест 3-й степени, чтобы не иметь у себя ничего, напоминающего службу...» /60/.

Но у «медали» была и обратная сторона. Граф Семен Романович заслужил уважение П. А. Румянцева, который проникся к нему глубоким расположением.

Он свел знакомство, перешедшее затем в многолетнюю дружбу, с графом П. В. Завадовским, занимавшим впоследствии ряд важных государственных постов в царствование Екатерины II. Тогда же он познакомился с А. А. Безбородко, находившимся в самом начале своей блистательной и долгой карьеры, а позже подружился с его племянником В. П. Кочубеем - «звездой» уже Александровской эпохи.

Во время службы в армии граф Семен Романович приобрел неоценимый военный опыт и «оставил по себе надолго теплую память в своих подчиненных...».

«Мы все молим за него Бога, - говорил в 1794 г. старый сержант Перепелкин графу Ростопчину о графе Воронцове: «он нам был отец, а не командир!» /61/.

Еще одним итогом участия графа Семена в войне 1768-1774 гг. было расстроенное здоровье «от трудов и передряг четырехлетнего походного житья на военном положении» /62/, а также весьма крупные по тому времени долги, достигшие суммы в 6000 рублей. Впрочем, последнее обстоятельство объяснялось вовсе не мотовством Семена Романовича, а тем, что он тратил свои деньги на улучшение солдатского быта и помощь бедным офицерам /63/.

Выйдя в отставку граф Воронцов получил чин генерал-майора и возможность жить так, как пожелает. Для поправки здоровья он поехал в Италию /64/, прожив две зимы в Пизе, - «городе, - как меланхолично писал граф Семен, - очень скучном, но который славится климатом, полезным для больных грудью» /65/. Пребыванием в Пизе знакомство графа Семена Романовича с Италией, разумеется, не ограничилось. За два года он побывал во многих местах этой прекрасной страны, которую уже отчасти знал по поездке 1763 - 1764 гг. Видимо, последнее обстоятельство позволило издателям девятого тома воронцовского архива заметить, что граф Семен «живал во всех государствах Европы. В Италии и Англии он был как у себя дома» /66/.

Возвратившись в Санкт-Петербург в самом конце 1778 г., граф Воронцов жил там очень уединенно. Два года спустя он женился на Екатерине Алексеевне Сенявиной, дочери адмирала Алексея Наумовича Сенявина. 25 мая 1781 г. у графа Семена появился первенец, которому, явно не случайно, было дано имя - Михаил. Потом родилась дочь - Екатерина.

К 35-ти годам жизнь Семена Романовича, казалось, уже была прожита. Все резко изменилось в 1782 г., когда императрица Екатерина II неожиданно предложила ему занять пост российского посла в Венеции. В своей автобиографии граф Воронцов пишет, что к его устройству по дипломатической части приложил руку его давний друг Безбородко, а также Завадовский и старший брат Александр, уговорившие Семена Романо-

вича принять новое назначение.

Однако, пост полномочного министра в Венецианской республике, судя по всему, не казался графу Семену особенно привлекательным. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в Венецию он выехал почти год спустя. Прибыв к месту службы 20 сентября 1783 г., Семен Романович вскоре смог убедиться в справедливости инструкций, данных ему императрицей перед его отъездом за границу. С учетом «свойственной им (венецианцам) робкой и все на свете подозревающей политики» /67/, заниматься в своей миссии российскому дипломату было решительно нечем.

Поддержание репутации полномочного министра Российской империи составляю, по-видимому, чуть ли не главное содержание дипломатической деятельности графа Семена Романовича в «светлейшей» Венеции. Сразу по приезде он обратился с просьбой к отцу переслать ему серебряный сервиз или денег на его покупку. Эту просьбу Воронцов пояснил следующим образом: «стыдно посланнику угощать гостей на фаянсовом» /68/.

В зашифрованной депеше на имя А. А. Безбородко от 6 (17) января 1784 г. Граф Семен, к тому времени, видимо, полностью постигший «тайны» венецианской политики, писал: «Дел здесь нет и быть не может поелику весь секрет сего правления, как оно его не таит, состоит в том, чтобы делать все в угодность двору Венскому и ни в чем не отказывать, чего бы оный не потребовал» /69/.

Со скуки граф Воронцов стал собирать сведения о числе жителей «Королевы Адриатики», о доходах и расходах республики, ее долгах, силе ее армии и флота. Наряду с этим, как уверяет один из его биографов, российский посол приобрел в Венеции «хороший вкус, позволявший современникам признавать его знатоком «изящного» /70/. И все же, этого было, конечно, безумно мало для деятельной природы графа Семена. Не прошло и полгода с момента его приезда в Венецию, как Воронцов начинает хлопотать о своем переводе на другое место службы. Он

пишет по этому поводу старшему брату Александру, графу А. А. Безбородко, вице-канцлеру И. А. Остерману, неизменно сетуя по поводу своего невольного бездействия в «светлейшей» республике, «где ему делать нечего» /71/.

В конце концов Семен Романович добился своего. Он получил назначение в Лондон в качестве полномочного министра, но, как и в случае с венецианским посольством, выехал в Англию лишь одиннадцать месяцев спустя. Дело в том, что у Воронцова от чахотки умерла жена, с которой в любви и согласии граф Семен прожил четыре года. «Потеря эта страшно потрясла графа Семена Романовича, который перенес вследствие ее опасную болезнь и долго не мог успокоиться в своей скорби» /72/. Наконец, Воронцов «отправился в Англию, ставшую ему впоследствии второй родиной» /73/.

В столицу «Владычицы морей» граф Семен приехал 27 мая 1785 г.

Начался новый, важный период его дипломатической деятельности с некоторыми перерывами продлившийся двадцать один год. Этого времени графу Семену Романовичу с избытком хватило «для изучения, - как он сам однажды выразился, - этой прелюбопытной земли» /74/. Его донесения из Лондона, адресованные, по большей части, вице-канцлеру И. А. Остерману и графу А. А. Безбородко изобилуют любопытнейшими деталями и касаются поистине необъятного числа тем. Их обстоятельность, глубина и многообразие затронутых проблем вполне подтверждают характеристики, данные графу Семену российскими историками в конце XIX и в конце XX вв. Так, автор интересного труда о русских дипломатических агентах в Лондоне в XVIII в. В. Н. Александренко, упомянув о графе С. Р. Воронцове, справедливо отметил: «Он (Воронцов. - А. Е.) обладал широким политическим умом, прекрасной эрудицией, независимым характером и самостоятельным взглядом на политические и государственные вопросы. Обращает на себя внимание, - подчеркнул историк, - прямой и решительный тон его ди-

пломатической переписки» /75/. Современная российская исследовательница Т. А. Родина, посвятившая дипломатической деятельности С. Р. Воронцова в Лондоне отдельную статью, приходит к следующему, безусловно верному выводу: «в сущности, - пишет она, - Воронцов всегда «служил делу, а не лицу», сохраняя при этом независимость взглядов и суждений» /76/.

Итак, какой же увидел С. Р. Воронцов жизнь в Англии середины 80-ых гг. XVIII в.?

«Политические дела здесь (в Великобритании. - *А. Е.*), - так запутаны и подвижны потаенным влиянием, - пишет он А. А. Безбородко 23 декабря 1785 г., - что трудно оных разобрать...» /77/. В другой депеше на имя Безбородко (от 29 августа 1786 г.), заметив, что найти в Англии человека, способного расшифровывать шифры невозможно, он замечает, что «в Лондоне такой не встречается: поелику все занимаются токмо Парламентом, торговлею, мануфактурами и весельями» /78/. «Нация сия (английская. - *А. Е.*), - бесстрастно констатирует Семен Романович в донесении к И. А. Остерману (от 14 мая 1788 г.), - любит барыши и для оных всем жертвует» /79/.

Характеризуя внешнюю политику Великобритании в 80-ые гг. XVIII в. Воронцов многократно упоминает «сети прусские», «пруссские руки», «слепую привязанность (британского монарха) к королю Прусскому», «приращения здесь (в Англии. - *А. Е.*) кредита пруссаков» /80/ «я совершенно удостоверен, - пишет он И. А. Остерману (26 сентября 1788 г.), - что здешний двор по делам политическим управляем Пруссиию» /81/. Именно прусские интриги в Лондоне, направленные против России, считал Воронцов, в немалой степени способствовали ухудшению русско-английских отношений.

Будучи человеком умным и наблюдательным, граф С. Р. Воронцов, разумеется, не мог не указать в своих депешах также иную, не менее важную причину охлаждения между Лондоном и Санкт-Петербургом. Этим раздражающим фактором во взаи-

моотношениях Великобритании и Российской империи по его мнению стали «правила нейтральной торговли» /82/, яркой поборницей которых еще в 1780 г. выступила Екатерина I /83/.

Чрезвычайно любопытны депеши Воронцова содержащие личные характеристики короля Георга III, принца Уэльского, членов кабинета министров Великобритании и, конечно, прежде всего, молодого британского премьера Уильяма Пита Младшего. Граф Семен Романович был им явно очарован. «Я не могу вам довольно описать мое удивление, - сообщал он Безбородко 5 июля 1785 г., - видя первого министра управляющего советом и Парламентом, коему еще двадцать шесть лет не минуло, который столько прост в обхождении, столько же учтив и невероятно скромнен в беседе, как яростен и тверд в Нижней Каморе, которую водит как хочет» /84/. В реляции графа Семена Романовича - Екатерине II (от 19 октября 1787 г.), находим следующие строки: «Г-н Питт, которого никто и никогда не обличал во лжи, и который, всегда соединяя скромность с чистосердечием или не отвечает совсем, или же, когда то делает, то всегда сходно с правдою...» /85/. В пространном донесении на имя вице-канцлера И. А. Остермана о процессе У. Гастингса (от 17 марта 1787 г.) Воронцов вновь упоминает «сего добродетельного, твердого и бескорыстного министра (Питта. - *А. Е.*), который неустанно старается о приведении финансов своего расстроенного отечества в наилучший порядок, в чем и довольно успевает» /86/. И уже в феврале 1788 г., сообщив содержание своего разговора с Питтом в реляции Екатерины II, граф Семен Романович заключает её следующей фразой: «Из сего моего разговора с первым министром... конечно приметить изволили чистосердечный образ с коим он (Питт. - *А. Е.*) во всяком случае обходится» /87/.

Учитывая тот факт, что 1780-ые гг. были отнюдь не лучшим периодом в англо-русских отношениях, дифирамбы графа Семена в адрес британского премьера вызывали у «высочайшей читательницы» из Санкт-Петербурга, очевидно, немалое раз-

дражение. Во всяком случае, ее рескрипт Воронцову от 4 марта 1789 г., - настоящая отповедь: «нынешнее министерство (кабинет Питта. - А. Е.) не заслужило доверенность, которое иметь можно к патриотическому, и для того прошу вас быть с двояким Питтом осторожнее, он управляет берлинскими интригами» /88/.

Особую тему в депешах Семена Романовича составляет то, что можно назвать темой заботы о российских подданных в Британии. Причем здесь речь идет не только, собственно, о сотрудниках лондонской миссии (о ком граф Воронцов писал в Санкт-Петербург довольно часто и регулярно), но о всех прочих россиянах, оказавшихся в Соединенном Королевстве в сложном положении. Так, например, в депеше графа Семена вице-канцлеру И. А. Остерману (от 16 сентября 1785 г.), читаем: «Милостивый Государь мой Граф Иван Андреевич! С некоторого времени явились у меня здесь два российских подданные Матвей Шубин и Андрей Васильев, представляя о бедности своей и о желании их возвратиться в отечество. Опасаясь чтоб нищета не побудила их впасть здесь в воровство и в наибольшие еще преступления, которые бы могли наконец довести их до виселицы, как то случилось...прежде сего с некоторыми российскими беглецами, которые здесь за смертоубийство повешены были, то для отвращения их от зла и для спасения отечеству посрамления, рассудил я за нужное отослать их морем в Россию, заплата за проезд их обеих шесть гиней, которые деньги прошу ваше сиятельство приказать выдать г-ну Судерланду в С.-Петербурге для возвращения оных брату его здесь, который отослал оных людей...» /89/.

Читая депеши графа С. Р. Воронцова, нельзя не изумляться тому сколь разнообразна была деятельность главы Лондонской миссии. То граф Семен не без гордости сообщает в Петербург, что благодаря его представлениям Питт значительно снизил новые пошлины на доски, привозимые из России /90/, то информирует о покупке, по распоряжению императрицы, кол-

лекции «камей и других разных камней» у лорда Перси Алджернона /91/, то выражает решительный протест против планов организовать поселение английских каторжан в Крыму, назвав это «сумасбродным предприятием» и призывая ни в коем случае не допустить в Россию «аглецких и арапских гайдамаков» /92/, и т. д., и т. п.

Кипучая и многоплановая деятельность графа Воронцова не остается без внимания. Время от времени он удостоивается наград, впрочем, довольно скромных. Так, в 1786 г., указом Екатерины II, Семен Романович награждается орденом Александра Невского /93/. Позже, уже в 1791 г. Воронцов становится кавалером ордена св. Владимира (1-го класса). Но эти «высочайшие» награды скорее огорчают его, чем радуют. И в самом деле, чем как не оскорблением можно считать то, что ему прислали «орден св. Владимира..., - тогда как я, с выражением пишет об этом граф Семен, - имел уже орден св. Александра Невского, гораздо старший и более почетный...» /94/.

Яркой страницей дипломатической деятельности С. Р. Воронцова в Лондоне стала поистине выдающаяся роль посла в урегулировании острейшего кризиса в англо-российских отношениях в марте-июле 1791 г., которую один из его биографов охарактеризовал как «блестящий эпизод дипломатической службы графа Семена Романовича...» /95/.

Впрочем, поскольку этот факт биографии графа Воронцова уже был многократно и подробно описан историками /96/, вряд ли есть смысл рассматривать здесь его подробно. Достаточно сказать, что в долгой дипломатической дуэли между Лондоном и Санкт-Петербургом победила Россия и этой победой она была обязана графу С. Р. Воронцову. Между тем, живя в далеком Лондоне, Семен Романович ухитрялся «приобретать» новых врагов на родине. К примеру, ему удалось настроить против себя всесильного любимца Екатерины II, графа П. А. Зубова. Дело в том, что он не услужил фавориту, когда тот вздумал, в нарушение законов, тайком вывезти из Англии рабочих и

инструменты. Зубов обозлился и в отместку стал всюду говорить, что Воронцов более предан Англии нежели России /97/. Свообразным рефреном, в этой связи, прозвучали слова императрицы Екатерины, процитированные П. В. Завадовским, что граф Семен «их (англичан. - *A. E.*) землю, а не свою любит» /98/.

В то же время российскую самодержицу в немалое раздражение приводили высказанные Семеном Романовичем идеи о необходимости и полезности союза Империи с Англией, его призывы отказаться ради этого от любимого детища Екатерины - системы вооруженного нейтралитета, критика им воинственной политики России по отношению к Турции, осуждение разделов Польши и т. д. Недовольство императрицы было настолько явным, что встревоженный Завадовский без промедления пишет «любезному Сенюше»: «На тебя не сердится, однако ж слышу, примечают, что ты здесь учить хочешь», советуя приятелю ограничиваться в донесениях «только касающимся до порученных посольских дел, не вызываясь с рассуждениями по делам, о коих не спрашивают» /99/. «Живучи в республике, - наставительно пишет в Лондон в другой раз, - не забывай права самодержцев: *sic volo, sic jubeo*» /100/.

С каждым годом усиливающееся недовольство царицы своим «слишком усердным слугой» (выр. Д. Рябинина) в Лондоне сама она как то раз объяснила предельно четко и лаконично: «от своего поста, - с негодованием заявила Екатерина, - учить и наставлять хочет...» /101/. Неизвестно к чему это могло бы в конце концов привести, как всегда, в дело вмешался «Его Величество Случай» - 6 ноября 1796 г. Екатерина II скоропостижно скончалась.

«Так же как и вас, - писал граф Семен Романович своему коллеге, российскому дипломату С. А. Колычеву из Ричмонда, - меня сильно поразило неожиданное известие о смерти Императрицы. В три часа я был разбужен нарочным, присланным ко мне из канцелярии лорда Гренвилля (министра иностранных дел Великобритании. - *A. E.*) с известием об этом событии,

которое я не предвидел, тем более, что ничего не знал о болезни императрицы... Мы лишились великой государыни, но у нас есть уверенность иметь великого и милостивого государя, который ее заменит ...он имеет и сведения и ум; ... то, что он совершил при восшествии своем на престол, доказывает, что у него отличный характер и возвышенная душа. Привязанность и сыновнее почтение, какое он оказал памяти своего несчастного родителя, Императора Петра III, усердие с каким он вознаграждал всех, оказавших преданность его отцу, служит доказательством, что он имеет душу чувствительную, великодушную и справедливую» /102/. В этом написанном «на злобу дня» письме обращают на себя внимание как минимум два момента: во-первых, крайняя сдержанность в «выражении скорби» по поводу смерти Екатерины II (кроме констатации, что «это событие» явилось для него неожиданным и дежурной фразы: «Мы лишились великой государыни», - по сути, больше о почившей императрице там нет ни строчки), а, во-вторых, - щедро расточаемые графом Семеном хвалы в адрес «нашего дорогого повелителя».

В жизни Воронцова случился ещё один, предпоследний «вираж». Он, конечно, ожидал от нового самодержца особого к себе отношения и не ошибся. «Я даже обязан тем или тому, - писал он в заключение письма к Колычеву, - кто меня преследовал, ибо без этого гонения, я не имел бы столь убедительного доказательства, что государь помнит меня и сохраняет ко мне свою милость» /103/.

Император Павел действительно не забыл о верности графа Семена к своему отцу и на старого дипломата вскоре обрушился целый каскад милостей. В короткий срок он стал генералом от инфантерии, обрел статус чрезвычайного и полно-мочного посла, был удостоен (5 апреля 1797 г.) одного из высших российских орденов - ордена Андрея Первозванного. Наконец, он возведен в графское достоинство российской империи (до этого Воронцовы числились графами Немецко-Римской Импе-

рии с 19 января 1760 г.). Царь жалует графу Семену богатые имения в Финляндии, его дочь получает должность фрейлины при дворе императрицы Марии Федоровны, а 16-летний сын Михаил становится камергером. Ходят слухи о возможном назначении графа С. Р. Воронцова воспитателем великого князя Николая Павловича.

Теперь старому графу многое «сходит с рук». Так, летом 1797 г., по отчаянной просьбе английского правительства Семен Романович, в нарушение царского приказа, на три недели задерживает отплытие от берегов Англии русской эскадры адмирала Макарова, дабы защитить ее берега от французов. Постфактум император Павел одобряет это самоуправство графа Семена. Однако, линия на сближение, теснейший союз России с «Владычицей морей», которую упорно и последовательно проводит в Лондоне С. Р. Воронцов начинает вызывать озабоченность даже у его преданных друзей. «С некоторой поры, - пишет ему Завадовский 3 декабря 1798 г., - изъяснения твои припахивают воздухом Темзы» /104/.

Незадолго до этого, осенью 1798 г. в Лондон из Петербурга приходит высочайший рескрипт (от 8 сентября 1798 г.) с предложением графу Семену стать вице-канцлером вместо ушедшего в отставку князя Куракина. В длинном, тщательно продуманном ответе Семен Романович отказывается от предложенного ему места, подробнейшим образом расписав все свои старческие немощи и хвори. «Два раза в жизнь мою я был уже в чахотке; на 56-м году я уже дряхл...», - заявляет он в своем ответном послании царю /105/. Это, однако, не спасает его от очередной милости. Весной 1799 г. император Павел I настоятельно предлагает Воронцову стать теперь уже канцлером Российской империи. Краткий, всего в четыре строки, рескрипт от 2-го марта заключает грозная фраза: «не ответа, а приезда вашего ожидая, есмь вашим искренним. Павел» /106/. Делать нечего. Граф Семен «покоряется» воле государя. Но, в своем ответе на царский рескрипт, как и раньше, он вновь многословно рассуж-

дает о слабости своего здоровья, «которое совсем погублено...», «долг мой, - патетически восклицает он в конце, - есть жертвовать жизнью для исполнения Вашей воли». Ход рассчитан точно. Павел не принимает жертвы: «коль скоро - гласит его ответ от 20 апреля 1799 г., - здоровье ваше полагает препоны к исполнению предложенного и желанного мною, и вы опасаетесь жестокостью здешнего климата подвергнуть себя совершенному расстройению здоровья вашего: то, желая соблюсти оное, теперь отдаю совершенно на волю вашу приехать сюда, уверен будучи, что вы в России и вне оной усердием и достоинствами вашими всегда ей полезны будете. Пребываю вам благосклонным. Павел» /107/.

Благосклонности порывистого и переменчивого самодержца хватает, увы, не надолго.

Год спустя, 4 апреля 1800 г. граф С. Р. Воронцов получает по поручению царя, «реприманд» от Ф. В. Ростопчина: «Его Величество, усматривая из донесений Ваших разные представления вопреки его воле, приказал Вам сказать, что если исполнение оной Вам в тягость, то не возбраняется Вам просить увольнения от службы» /108/.

Не проходит и двух недель, как на имя полномочного министра в Лондоне приходит царский рескрипт, фактически означавший отставку. Его текст гласил: «Господин генерал от инфантерии, граф Воронцов! Находя по малому числу настоящих дел, что присутствие ваше в Англии не совсем может быть нужно позволяю вам употребить еще время на поправление здоровья вашего; для чего и отправитесь вы к водам на континент, оставя на время отсутствие вашего при великобританском дворе поверенным в делах действительного советника Лизакевича. Пребываю вам благосклонным. Павел» /109/.

В ответной реляции от 27 июня 1800 г. граф Семен Романович рассыпается в уверениях преданности Павлу I, благодарит императора весьма подобострастно: «Вы мой законный Государь; Вы мой благодетель, - пишет он. - Вы еще теперь есть

и спаситель мой и бедной дочери моей» /110/.

«Благодетель», однако, не склонен умиляться. Молодого графа Михаила Семеновича лишают чина камергера. 19 февраля 1801 г. следует императорский указ, гласивший о том, что за неуплатой лондонскими банкирами Пишелем и Брогеном казне денежной суммы равной 499 фунтам, 14 шиллингам и 5 пенсам, «конфисковать на такую же сумму имения генерала, графа Воронцова: прочее же имение его за пребывание в Англии взять в казенный секвестр» /111/. В своих карах, как и в своих милостях Павел поистине неистощим.

Причины обрушившихся на графа Семена Романовича бед, впрочем, вполне понятны. Если император и самодержец всероссийский уже в конце 1799 г. решительно разочаровавшись в союзниках по Второй коалиции (Австрии и Англии), встал на путь сближения с Французской республикой и ее первым консулом Наполеоном Бонапартом, то граф Воронцов по-прежнему оставался верен идее тесного сотрудничества и союза с Великобританией, от души ненавидя «жакобитов», «проклятую Францию», «проклятый народ французский» и «ужасную Французскую республику» /112/.

Глубоко огорченный «этой внезапной и обидной отставкой» граф Семен Романович покинул Лондон, переехав жить в Саутхемптон, бывший тогда небольшим рыбацким поселком: «морские бризы, белые отары на зеленых холмах, запах водорослей и рыбацких сетей пригретых солнцем» /113/.

Через год все меняется в очередной раз. В ночь на 11 марта 1801 г. в результате дворцового заговора Павел I был убит - «благоволением судьбы, - писал графу Семену Романовичу из Петербурга его закадычный друг П. В. Завадовский, вышли мы из темных дней... . Ангел со стороны и милосердия, царствует над нами» /114/.

Император Александр I отменил рескрипт своего отца в отношении графа С. Р. Воронцова. Его старший брат, Александр Романович 8 сентября 1802 г. был назначен канцлером

Российской Империи. За три месяца до этого, в конце мая, после долгого, семнадцатилетнего отсутствия, граф Семен Романович с дочерью приезжает в Санкт-Петербург.

Сторонники «англофильской» партии при императорском дворе, к которым, разумеется принадлежат братья Воронцовы, как и раньше убеждены в благости союза с Великобританией, недолголюбивают Францию и весьма враждебно настроены по отношению к «притязательному Корсиканцу».

Для «молодых друзей» царя старые «екатерининские орлы» - нечто вроде музейных экспонатов, такие странные осколки давно ушедшей эпохи. В «Мемуарах» одного из них, князя Адама Чарторыйжского, читаем: «Граф Семен Воронцов, после долгого отсутствия,... приехал в Петербург. Человек он был вполне цельный, не признал никаких оттенков и видоизменений в убеждениях и чувствах; он был страстный, слепой приверженец раз воспринятой им идеи или избранного им своим кумиром человека». Отдав дань его «благородному, положительному и открытому характеру», мемуарист в то же время отмечал, что «граф Семен приобрел себе друзей в Англии, прижился в этой стране и был влюблен в Англию, более влюблен, чем самый коренной тори; он так преклонялся перед Питом, что все, что походило, я не говорю даже на критику, а на какое-нибудь простое замечание или сомнение в политике, принципах или действиях этого министра, казалось графу Семену абсолютной бессмыслицей, неизвинительным извращением ума или чувства» /115/.

Далее, рассуждая о братьях Воронцовых, князь Адам ведет речь о том, как однажды «младореформаторы» Строганов, Кочубей и Новосильцев решили воспользоваться помощью и авторитетом Александра и Семена Романовичей дабы наконец вывести Александра I «из робкого бездействия» и побудить царя провести столь необходимые для России преобразования. «Оратором для этого случая, - вспоминал мемуарист, - избран был граф Семен, который скорее других мог своими речами

произвести впечатление на императора. Вследствие того, что он жил в Англии и не желал оставаться в России, он являлся лицом, незаинтересованным в том, что происходило в Петербург; следовательно, он мог быть беспристрастным и имел поэтому больше прав быть выслушанным, а также и откровенно высказать свой образ мыслей. Но он оказался не так красноречив, как мы предполагали. Император, умевший очень искусно ставить собеседника своими возражениями в затруднительное положение, часто приводил в смущение графа Семена и его брата. Императору хотели доказать, что он должен был что-нибудь предпринять, что новое царствование возбудило известные надежды, и Европа не менее России ждала от императора их осуществления. Но все это были лишь общие фразы, и когда император задавал вопрос, на что же, собственно, в России должны быть направлены преобразования, и при помощи каких мер надо было приступить к их выполнению, граф Семен и его брат, не считаясь ни с какими препятствиями и затруднениями, полагали, что все достигнется через сенат, при помощи его восстановленного авторитета. Каждая фраза графа Семена начиналась и кончалась сенатом, и когда он не знал больше, что говорить и что отвечать императору, то неизменно возвращался к одному и тому же, к сенату. Сенат был в эту минуту его кумиром, он повторял его название как припев, за каждым словом. Мы думали, что император даже во сне должен был слышать голоса, кричавшие ему на ухо: «Сенат, сенат». В этой аффектации графа Семена было нечто смешное и неловкое, что не ускользнуло от нашего внимания и что могло скорее охладить императора, чем воодушевить его» /116/.

Возможно этот запоздалый и очевидно провальный «дебют» графа Семена в Санкт-Петербурге побудил его в конце 1802 г. вернуться в Лондон и более никогда уже в Россию не приезжать. Полномочным и чрезвычайным послом он верой и правдой прослужил еще почти три с половиной года, выйдя в отставку 15 мая 1806 г. «с почетом и соответственным гонора-

ром» /117/.

Все заботы графа Семена отныне заключались в семье - дочери, вышедшей замуж за английского аристократа, лорда Пемброка, сыне Михаиле, вступившем на нелегкую стезю военной карьеры и в делах благотворительности.

«Закат был долгий. Семен Романович не желал возвращаться на историческую родину. Никто не порицал его. И никто... не обзывал «руссофобом» /118/. На склоне лет граф Семен принял англиканство. «Он умер в Лондоне 9 июня 1832 г. При кончине его присутствовал сын, граф Михаил Семенович, находившийся тогда в заграничном отпуску, и дочь, графиня Пемброк, бывшая в то время уже вдовою» /119/.

Человек талантливый и глубоко порядочный граф Семен Романович Воронцов за свои 88 лет сумел прожить не одну, а сразу несколько жизней: камер-паж императрицы Елизаветы, военный, дипломат в течение трех царствований... Не поступаясь никогда своей честью и достоинством он неизменно оставался верен себе, став одним из самых известных дипломатов «золотого века Екатерины», когда, по образному выражению князя Безбородко, «не одна пушка в Европе без нашего позволения выстрелить не смела».

1. Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. Первый. СПб., 1885. - С. 77.
2. Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. 2 Канцлеры. СПб., 1837. - С. 102; Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Составил гр. Александр Бобринский. Ч. 1. СПб., 1890. - С. 178 - 179., 180.
3. Терещенко А. Указ. соч. С. 102.
4. Там же. С. 102.
5. Там же. С. 102.
6. Рябинин Д. Д. Граф Семен Романович Воронцов (1744 - 1832) // Русский архив. 1879. №1. С. 58.
7. Там же. С. 58.

8. Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. СПб., 1892. С. 12.
9. Терещенко А. Указ. соч. С. 103.
10. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 59.
11. Терещенко А. Указ. соч. С. 104.
12. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 59.
13. Терещенко А. Указ. соч. С. 104.
14. Огарков В. В. Указ. соч. С. 9.
15. Там же. С. 33.
16. Там же. С. 34.
17. Там же. С. 34.
18. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 61 - 62.
19. Огарков В. В. Указ. соч. С. 33.
20. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 61.
21. Архив князя Воронцова, кн. 16. М., 1880. С. 2.
22. Огарков В. В. Указ. соч. С. 33.
23. Архив князя Воронцова, кн. 16. М., 1880. С. 15.
24. Там же. С. 26.
25. Брикнер А. Г. Семейная хроника Воронцовых // Вестник Европы, 1887, кн. 8. С. 640.
26. Огарков В. В. Указ. соч. С. 38 - 39.
27. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 61.
28. Там же.
29. Дашкова Е. Р. Записки. 1743 - 1810. Л., 1985. С. 4.
30. Там же. С. 9 - 10.
31. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 640.
32. Огарков В. В. Указ. соч. С. 35.; Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 60.
33. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 60.
34. Терещенко А. Указ. соч. С. 202.
35. Огарков В. В. Указ. соч. С. 35.
36. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 648.
37. Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 39.
38. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 648.
39. Там же. С. 648.
40. Давыдов Ю. Русский с Гарлей-стрит // Родина №8 - 9, 1992. С. 33.
41. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 66.
42. Огарков В. В. Указ. соч. С. 38.

43. Терещенко А. Указ. соч. С. 108.
44. Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 50.
45. Там же. С. 46.
46. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 67.
47. Терещенко А. Указ. соч. С. 105.
48. Огарков В. В. Указ. соч. С. 33.
49. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 67 - 68.
50. Там же. С. 68.
51. Там же. С. 69.
52. Там же. С. 69.
53. Там же. С. 69.
54. Там же. С. 71.
55. Огарков В. В. Указ. соч. С. 45.
56. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 71.
57. Огарков В. В. Указ. соч. С. 46; Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 73.
58. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 524.
59. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 71.
60. Там же. С. 74.
61. Огарков В. В. Указ. соч. С. 46.
62. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 73.
63. Огарков В. В. Указ. соч. С. 46.
64. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 652.
65. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 75.
66. Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. IX. С. VII.
67. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 76.
68. Огарков В. В. Указ. соч. С. 47.
69. Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. XVI. С. 171.
70. Там же. С. 173; Огарков В. В. Указ. соч. С. 77.
71. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 77.
72. Там же. С. 78.
73. Огарков В. В. Указ. соч. С. 48.
74. Архив внешней политики российской империи (далее: АВПРИ), ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 382, л. 59.
75. Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. I. С. 61.
76. Родина Т. А. Русский дипломат в Лондоне (Дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова)// Россия и Европа. Дипломатия и культу-

ра. М., 1995. С. 29.
77. АВПРИ, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 382, л. 105.
78. Там же, д. 373, л. 50.
79. Там же, д. 391, л. 46.
80. Там же, д. 361, л. 73; д. 363, л. 39, л. 66, л. 109; д. 379, л. 27 и др.
81. Там же, д. 392, лл. 20 - 21.
82. Там же, д. 361, лл. 138 - 139, л. 140.
83. См.: Isabel De Madariada. Britain, Russia and Armed Neutrality of 1780. L., 1962.
84. АВПРИ, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6 д. 363. л. 26.
85. Там же, д. 379, л. 33.
86. Там же, д. 373, лл. 131 - 132.
87. Там же, д. 389, л. 15.
88. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 162.
89. АВПРИ, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 361, л. 101.
90. Там же, д. 371, л. 10.
91. Там же, д. 373, л. 78.
92. Там же, д. 373, лл. 45 - 46.
93. Там же, д. 367, л. 11.
94. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 176.
95. Там же. С. 169.
96. См.: Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 652 - 655; Огарков В. В. Указ. соч. С. 54 - 55; Давыдов Ю. Указ. соч. С. 22 - 25.
97. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 657.
98. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 195.
99. Там же. С. 195.
100. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 194.
101. Там же.
102. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 46 Бартенев П. И., д. 627. Письма Воронцова С. Р. - Колычеву С. А., л. 7.
103. Там же, л. 8.
104. Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. XII. С. 210.
105. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 319.
106. Там же. С. 320.
107. Там же.
108. Огарков В. В. Указ. соч. С. 60.

109. АВПРИ, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 526, л. 7; Там же, д. 528, л. 140.
110. Там же, д. 528, л. 140.
111. Огарков В. В. Указ. соч. С. 60.
112. Александренко В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 68, 252.
113. Давыдов Ю. Указ. соч. С. 35.
114. Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. XII. С. 264.
115. Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 265, 266.
116. Там же. С. 268 - 269.
117. Огарков В. В. Указ. соч. С. 63.
118. Давыдов Ю. Указ. соч. С. 35.
119. Рябинин Д. Д. Указ. соч. С. 483.